

та» типа *TRT-ē, *TēT-ē (mrъ(tъ), mirē; gulē, *bēgē, pa-bēgē-jo, см. ст. I). При этом кажется, что, если основа настоящего времени на -i внедрена главным образом в ряд аористов с перфектным значением (ср. gulē — guli — gulē-jo), то основа настоящего времени на -a внедрена скорее в ряд исконных перфектов (skauda skaudēti, maga magēti, miega miegoti и т. п.). Это соотношение заставляет поставить вопрос об особом статусе литовского презенса на -a (в соответствии со сл. е/о-презенсом) при инфинитиве на -ėti, teka tekēti «течь», maga magēti «хотеть» (ср. мочь), moка mokēti «мочь»; «учить»; sora sorēti «болеть, болит» и подобные. При корнях типа TeT, ToT славянские презенсы имеют при себе очень часто тематические аористы с характерными позициями нейтрализации между през. и аор. во 2 и особенно в 3 л. ед. ч.; пред. слав. тече-ши тече-ть — аор. слав. тече тече. В балт. эта нейтрализация должна была стать особенно значительной в силу характера балт. флексий. Таким образом мы имеем соотношение сл. teče-ть: teče (tēxъ) — балт.?:? — балт. teka : tekē-jo. Искомым промежуточным балтийским звеном могли послужить формы *teka : *tekā//*tekē. Формы типа *tekē стоят в закономерном соответствии со сл. сигматическим аористом *tēks, ср. vedē — вѣсь, а формы типа *tekā восстанавливаются по типу bēgo < *bēgā¹⁴. Наша точка зрения отличается от мнения Х. Станга тем, что мы выделяем отношения типа teka : *tekā; miega : *miegā; skauda : *skaudā и т. п. (отличаемых от ряда dega : degā : degē; kera : kerā : kerē) и считаем их специфически перфектным рядом. Формы типа teka отождествляются как презенсы перфекта (перфекто-презенсы), к которым был подстроен претерит перфекта, отождествленный как добавление того же показателя -ā: *tekā + ā > *tekā. (Ср., однако, замечание Х. Станга, не повторенное им в «Сравнительной грамматике», о том, что tēpa «мажет» является презенсом перфекта, а tapē/tapo «становиться», первонач. «прилипнуть» — претеритом перфекта¹⁵.)

Постоянные корреляции вида и диатезы в перфектном фрагменте очевидны уже из всего сказанного: это область нейтрализации как видовых, так и диатезных оппозиций в пользу «категории состояния».

Итак, мы можем реконструировать следующую картину. В балто-славянском ареале исчезающий индоевропейский перфект вызвал к жизни целую гамму замещений — различных типов предложений, или синтагм. Все они характеризовались, кроме общности семантики, еще и одним преобладающим морфологическим признаком: формы предикатива (предикатного слова) в них имели показатель («флексию») -ā/-ō, хотя этот показатель и возник различными историческими путями. Формы эти таковы: 1) глагольные формы на *-to//-*по (как бы их ни называть — «страдательные» причастия, «прото-медиальные» формы, непосредственно сохранившиеся в балто-славянском ареале, и т. д.); 2) наречия-предикаты с окончанием в балт. -a, в слав. -о (лит. Man gera «Мне хорошо»), отличающиеся от наречий-атрибутов (лит. на -ai, слав. на -ѣ: лит. gerai в отличие от gera, слав. добръ, в отличие от dobro); 3) нечленные прилагательные среднего рода с теми же окончаниями, отвечающие индоевропейскому типу несогласованного предложения «Ум хорошо, два лучше»; 4) балт. презенсы перфекта на -ā (этот показатель мы предполагаем отделяющимся и способным присоединяться к другим основам, например, ir + ā > уга¹⁶). В этом контексте и оформляется славянская, соотв. русская «категория состояния».

¹⁴ Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, S 379.

¹⁵ Stang Ch. S. Zum baltisch-slavischem Verbum. — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», t. IV, 1961.

¹⁶ См. реконструкцию: Степанов Ю. С. Литовское уга 3 лицо глагола «быть». — «Baltistica», VI (2), 1970, с. 196.